

Виктор Некипелов с женой Ниной Комаровой.

Некипелов отразил в своих стихах, и стихи эти были найдены у него при обыске. Истинную причину его ареста вряд ли нужно долго искать: некоторые миры не могут терпеть своих отражений."

Выйдя на свободу, Некипелов уже целенаправленно занялся правозащитной деятельностью. По свидетельству общества "Мемориал", он многое сделал для улучшения положения инвалидов в СССР. Последовал новый арест, уже как правозащитника, и освободили Некипелова лишь на волне перестройки в числе других узников совести. Но он к тому времени был тяжелобольным и неспособным к жизни человеком. Друзья увезли его на лечение во Францию, но слишком поздно: рак, который упорно отрицали лагерные медики, приписывая Некипелову онкофобию, оказался запущенным и уже неизлечимым...

Жена и дочь поэта выпустили в Париже посмертный и самый полный сборник его стихов. Чуть позже друзья Некипелова в складчину по линии "Мемориала" напечатали еще одну поэтическую книжку. Она тоже вышла за границей, так как у "Мемориала" тогда еще не было возможности издаваться в своем отечестве. Так и получилось, что все

Мы отныне вдвоем, насовсем,
на века!
Два счастливых, хоть... серых,
угрюмых зэка!

Глажу руки ее. Растворяюсь
в них весь.
— Ах, как странно, как страшно!
Скажи, это здесь?
Теплый вздох. И молчанье.
И долгость минут.
— Ты ведь хочешь спросить:
тут ли пули пройдут?

— Это больно? — Не спрашивай.
— Все-таки? — Нет.
— Что же дальше? — Не наше.
— Но все-таки? — Свет.

Черный луч ее кос — у моих у седин.
Утоленно в висках: я теперь
не один!

Затворюсь в темноту,
и пускай, и пускай!
В коридоре тюремном стучит

И всю ночь, до утра, и с рассвета —
вертухай
весь день

Заклинают ключи: "Тридцать семь,
тридцать семь".
Владимир, тюрьма, 1980 год.

Через все преграды, через все невзгоды проведи бесстрашно лодочку свободы

29 сентября исполняется 75 лет со дня рождения выдающегося, но пока малоизвестного поэта Виктора Александровича Некипелова. Родился он в Харбине в семье сотрудников КВЖД.

Немного предистории: Китайско-Восточная железная дорога (КВЖД) построена сто лет назад царской Россией по соглашению с правительством Китая. Этот путь по северной Маньчжурии был кратчайшим до дальневосточных побережий России и стал прологом русско-японской войны. Русская дорога, появившаяся на территории сопредельного государства, привлекла пристальное внимание разведок различных стран, потому в 1923 году СССР заменил всех сотрудников КВЖД исключительно на своих граждан. В 30-е годы Япония негласно заселила северную Маньчжурию, дорога утратила свое стратегическое значение, начала приносить убытки, и Сталин решил продать железнодорожный путь Китаю, предварительно отозвав своих граждан в СССР. В 1937 году все сотрудники КВЖД вернулись на родину. Счастливые люди не знали, что на границе их поджидает секретный приказ Ежова, согласно которому половина из них будет объявлена шпионами и расстреляна на месте.

Вместе с другими обладателями советских паспортов возвратилась на родину и семья Некипеловых. Мать Виктора была арестована и безвестно пропала, мальчик стал жить в новой семье отца. Взаимоотношения не складывались. Видимо, сын считал своего отца доносчиком, не случайно родилось у него горькое стихотворение "Старая фотография" — о том, как отец вычеркивал своих репрессированных однокашников из общего снимка. Вот отрывок из него:

"...И взял отец — как судный факел —
Большой чернильный карандаш.

Он взял его — зловеще синий,
И что есть силы, вперекрест
Он вбил, как будто кол осиновый,
В лицо врага
тяжелый крест!

Так и пошло: легко и слепо
Ложились плотно крест к кресту.
Четвертый справа... Пятый слева...
И сразу два в шестом ряду.

Глядеть на это было жутко,
Страшнее Гоги во сто крат:
Из обезглавленных тужурок
Кресты зловещие торчат!

Они слетались, будто грифы,
На свой кровавый мерзкий пир:
Дрожал в руке отцовский грифель
И все чертил, чертил, чертил.

Уже без веры, торопливо,
Хотел бы бросить, да не мог!..
Одна лишь только мысль свершила
Ему тогда усталый мозг —
Не страх, что ночью, может статься,
Вдруг постучится в дверь беда,
А страх на карточке остаться,
Уйдя за теми, без креста!..

Вот так оно и было с ними,
Пока не кончили пальбу.
Держу в руках тот гневный снимок.
Понять ли мне его судьбу?

Не взял их тлен, не съела старость.
Немое, жуткое кино!..
А те мальчишки, что остались,
В Пастеры выбились давно.

Уж так пришлось:
одним — посмертно,
Другим, как водится, — на грудь...
Но черт возьми! Я все ж посмею
Немного глубже заглянуть!

Простая мысль все жжет и точит,
Ведь до сих пор на снимке том
Сидит спокойненько
наводчик,
Не заштрихованный крестом!

Прости, отец, но я не спятил.
Быть может, он? А может... ты?

...Мне страшно этих белых пятен.
Уж лучше б были
сплошь кресты!"

С таким изначальным жизненным опытом — безоблачное детство в запредельном Харбине и сложности советской действительности — входил поэт в пору своего взросления.

Трудовая и творческая жизнь Некипелова начиналась в нашем городе: в 50-е годы он работал фельдшером в котласском стройбате и писал стихи. Украина, Подмоскovie, Владимирская область и... тюрьмы, "психушки", лагерь — следующие этапы его пути.

Казалось бы, поначалу все складывалось благополучно: с отличием окончил он военно-медицинское училище, затем последовательно два института, безупречно трудился, возглавил профсоюзную организацию, активно боролся с недостатками, пользовался авторитетом, — словом, мог бы значиться образцово-показательным советским человеком.

Но утвердилась в нем смелость заглянуть чуть поглубже, чем отваживались другие, в суть общественных явлений. И это кончилось арестом, против которого выступили видные наши правозащитники: "Виктор Некипелов — поэт, человек большой и светлой души, и все это: и свою судьбу, и свою затравленность, и лицо мира, в котором он жил, — Виктор

книги русского поэта Виктора Некипелова увидели свет за пределами родины. И до сих пор очень долго и трудно пробиваются его стихи к своему читателю.

ТРИДЦАТЬ СЕМЬ

Светлой памяти моей любимой мамы
Некипеловой (Бугаевой)

Евгении Петровны.
Мене звать тридцать сім.
Н. В. Суровцева.

Вот опять пенногубый
разъяренный зверь
Бьет копытом в тюремную
грязную дверь.
Я гляжу на карминовый номер
на ней —
Изумленье мое все сильней и
сильней!

Этот номер — мой рок.
Навсегда, насовсем!
Я отныне немой, я зовусь
"Тридцать семь".
Эти цифры повсюду со мной,
надо мной,
Эти цифры теперь —
Апокалипсис мой.

Где-то там, в глубине,
различает мой взор
Полустанок со странным
названием "Отпор".
Поезд только с маньчжурской
пришел стороны
И отходит назад, в мои детские сны.

Тридцать семь... Тридцать семь...
Толчея, суетня,
Давний памятный облик
апрельского дня.
Пограничники... Обыск...
Таможни кольцо...
Чье же там, на ступеньках,
мелькнуло лицо?

Это ж мама моя! Молодая совсем!
Ей, ровеснице века,
всего тридцать семь.
Чесучевый жакет,
тонкий девичий стан!
Но... не видит меня и
уходит в туман.

Я бросаюсь за ней —
услышать ее речь,
Обонять ее шелк, уловить ее свет,
Объяснить, отвернуть,
заслонить, уберечь!
Я ведь старше ее
на четырнадцать лет.

Обернулась! Узнала! Упала на грудь!
Наконец-то мы вместе,
один у нас путь.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Дочке Михайлинке

Ночь плывет над миром,
ночь плывет над морем,
Над слезой и счастьем, над
мечтой и горем.
Тишина какая — давит перепонки,
Только волны мерно плещут
в переборки.
Ночь качает наши спаренные койки —
Здесь их называют странным словом
"шпонки".

"Шпонки" — вроде "джонки",
"шпонки" — вроде "шлюпки",
Перед мглой и Богом —
хрупкие скорлупки.
Но железным клином,
броневой цугом,
Мы выходим в море,
скованы друг с другом.
Этим и прекрасны, этим и едины,
Не страшны нам мели,
не страшны нам льдины.
Лица наших кормчих четки,
как медали.
Пусть гремят фанфары,
мы штурмуем дали.
Верны капитану, что ведет нас к раю.
Ни забот, ни горя...
— Баю, дочка, баю!

Ночь плывет над миром,
ночь плывет над морем,
Над слезой и счастьем,
над мечтой и горем.
Над кудрявым летом и хромой зимою,
Над твоей кроваткой и
моей тюрьмой.

Где ты в этом мраке, баюшки-баю,
Робко-робко правишь лодочку свою?
А вокруг шныряют, до поживы падки,
Ладно бы акулы, ладно бы касатки, —
Лоцманы, да боцманы,
да разные мессии,
Много их, горластых,
бродит по России.

Не поддайся, дочка,
ни за что на свете!
Не устань, не сбейся, оборви их сети.
Не бойся мрака, не бойся града,
Обмини дороги, по которым — стадо.
Через все преграды,
через все невзгоды
Проведи бесстрашно
лодочку свободы.

Ночь плывет над миром,
ночь плывет над морем,
Над слезой и счастьем,
над мечтой и горем.
Ночью нету слабых,
ночью нету сильных,
Ночь не различает красных, белых,
синих...
Тишина какая! Ни конца, ни краю.
Мир тебе дорогой! Баю, дочка, баю!

Владимирская тюрьма № 1,
ноябрь 1973 года.